

Литературные обозреватели, критики и прочие профессиональные читатели начали наконец получать то, по чему страдали последние несколько лет, — актуальный роман. В «Редакции Елены Шубиной», традиционно остро чувствующей тенденции рынка новейшей отечественной прозы, даже запустили новую серию под таким названием. «Бывшая Ленина» Шамиля Идиатуллина вышла именно в ней. Еще три года назад в обилии современной русской литературы, в частности, попавшей в короткие списки ведущих премий, трудно было найти тексты о дне сегодняшнем: писатели осмыслили исторический опыт, более или менее отдаленный (от «Тайного года» Михаила Гиголашвили об Иване Грозном до «Соколиного рубежа» Сергея Самсонова о летчиках Второй мировой), пару лет назад вышли сразу несколько романов о 1980-х: предыдущий роман Идиатуллина «Город Брежнев», «Бюро проверки» Александра Архангельского и «Душа моя

Павел» Алексея Варламова (последний должен быть поставлен Алексеем Бородиным в нынешнем сезоне Российского академического молодежного театра). Теперь начинает выполняться издательский и читательский запрос на современность. Вышли «Держаться за землю» уже упомянутого Сергея Самсонова и «Некоторые не попадут в ад» Захара Прилепина — о войне в Донбассе, «Брисбен» Евгения Водолазкина¹, «Дни Савелия» Григория Служителя², «Средняя Эдда» Дмитрия Захарова — и это далеко не полный список.

В «Бывшей Ленина» Шамиль Идиатуллин использует традиционные литературные приемы: хаос

¹ О романе было рассказано в интервью, напечатанном в № 8 журнала «Юность» текущего года.

² Роман Сергея Самсонова «Держаться за землю» награжден премией «Ясная Поляна» в номинации «Современная проза», а роман Григория Служителя «Дни Савелия» — в номинации «Выбор читателей».

в обществе совпадает с разрушением отдельно взятой семьи — и энтропией героев. Маленький город Чупов, живущий на огромной свалке, пронизанный миазмами разложения, охватывает предвыборная борьба за кресло городского главы. Фактически писатель использует тот же принцип матрешки, что и, например, Л. Н. Толстой в «Войне и мире»: от очень частного к очень общему и обратно. В центре авторского внимания оказывается проблема непонимания, глобально-го дисконнекта. И речь здесь не только о снова отсылающей нас к русской классике теме отцов и детей, которые у Идиатуллина буквально говорят на разных языках. Это и непонимание между социальными группами, и нарастающее отчуждение между мужем и женой, и даже противоречия в мыслях, словах и поступках отдельно взятых людей. Что становится причиной разрыва между Даней и Леной, непонятно: формальной точки отсчета нет (может показаться, что это смерть Лили, однако она — катализатор, но не источник), раздражение мужа копится, нарастает, наконец, выплескивается наружу и запускает цепочку описываемых Идиатуллинским событий. Насколько Дания виновен в том, что происходит с Леной в конце, вопрос в известной степени риторический. Но проблема вины и личной ответственности здесь, хоть и безусловно заявлена, основной не является. Из двух вечных вопросов русской литературы «Бывшая Ленина» в гораздо большей степени про «что делать?» (и можно ли вообще что-то сделать), нежели про «кто виноват?».

Роман воспринят критиками неоднозначно: его упрекают, с одной стороны, в очевидной проговоренности многих вещей, которые следовало бы отдать на домысливание читателю, в по-журналистски, а не по-писательски прямо сделанных выводах. А с другой — в некоторой смазанности, непрописанности персонажей. Однако если присмотреться к «Бывшей Ленина» пристальней, становится ясно, что эта непрописанность и обрывочность — нарочиты и соседствуют с контрастной подробностью их рефлексий. Эти раздерганность и непоследовательность служат целям поддержания общей идеи движения от космоса к хаосу, энтропии, распада, прослеживающихся на разных уровнях романа. Свалка в городке как модель общественно-политической ситуации в стране, разрушение семьи, не смерть сама по себе, а умирание как процесс, которым начинается роман и которым (скорее всего) совершенно неожиданно заканчивается. Вообще в романе есть это неакцентированное противопоставление быстрой смерти (нелепо гибнущий из-за качества водопроводной воды Алекс), когда человек не успевает ее осознать, и умирания (Лиля, мать Дани, и включившиеся в организме Лены процессы). Особое место в романе занимает фигура бывшего городского главы Саакянца, который до конца своих дней живет на свалке, сортируя и сжигая мусор, — это одновременно и наглядная реализация принципа малых дел, и мотив искупления и служения идее: «В прошлом году он вернулся в Чупов чуть ли не в товарном вагоне, заметил свалку, добрался до нее, сел в вонючее кресло и сидел почти сутки, наблюдая за бесконечными вереницами “КамАЗов”, с чадным торжественным ревом создающих самое грязное место в мире — то самое, за право создать которое он, Саакянец, боролся яростно и беспощадно. И победил».

Вообще автор от главы к главе переключает оптику, фокусируясь последовательно то на одном герое, то на другом, создавая галерею образов и формально практически лишая роман главного героя. Однако больше других на эту роль подходит Лена — с ее рушащейся жизнью, самоанализом, комплексом жертвы, борьбой и смирением. В сорок лет все у нее оказывается заново и впервые. «Снятый» в баре незнакомец оказывается совсем не таким, как бывший муж, поэтому Лена ловит себя на ощущении нереальности, отстраненности. Этот эпизод становится индикатором жизни Лены в целом — она не столько живет, сколько словно наблюдает свою жизнь со стороны. Игра слов в названии завязана именно на ее имя: это и бывшая улица Ленина, и бывшая Ленина квартира, в которой начинаются события романа и которая проходит через него как лейтмотив. Это и бывшая Ленина жизнь, не имеющая ничего общего с тем, к чему она приходит к финалу.

По сути, Шамиль Идиатуллин после производственного романа «Город Брежнев» создал «Карточный домик» в реалиях российской глубинки. Писатель сталкивает персонажей на разных уровнях: семейное переходит в рабочее, в политическое, всеобщее. Бывшие супруги становятся политическими оппонентами. Когда кажется, что ради «светлого будущего» надо, чтобы победил юный активист Иван, а Даниил проиграл, личное для Лены снова выходит за рамки частного, межличностная месть приобретает статус сверхидеи. Человеческое, слишком человеческое становится инструментом пусть не очень большой, но политики. Дети перестают понимать родителей и оказываются совершенно не готовыми к реальной жизни: «Он никогда не работает, родительский опыт. Не только потому, что ребенок никогда не бывает копией родителя — он работающая совершенно иначе версия, в которой сходство с прототипом почти всегда поверхностное и почти никогда не влияющее на качественные характеристики. Не только потому, что половина детского возраста у каждого человека и так посвящена слишком старательному и оголтелому вбиранию родительских взглядов, вкусов, словечек и представлений о прекрасном, а вторая половина — столь же старательному и оголтелому отказу от этих взглядов и представлений, и итоговый коктейль никогда не сохраняет вкус сугубо первой или сугубо второй половины. Но и потому, что детям

приходится существовать и выживать совершенно не в тех условиях, к которым их готовят родители, учителя и современный мир. Детей готовят к жизни даже не в сегодняшних, а во вчерашних условиях, а жить приходится в завтрашних — все равно что фабрике, которая ухнула все силы и средства в производство видеокассет в момент массового перехода от дивиди к стримингу».

Обвиняя автора в излишней прямолинейности и упрощенности основных метафор, Ксения Грициенко на портале «Прочтение» говорит о том, что Идиатуллин в традиции позабытого формального метода наделяет персонажей прямыми функциями и речевыми характеристиками, а «все темы, приемы и схемы считываются легко и даже с удовольствием: город — свалка, люди — яд, правительство травит жителей, партнеры — друг друга и собственную жизнь (а та, в свою очередь, метафорически становится все той же свалкой и все тем же болотом)». Все вроде бы слишком просто и «в лоб» для романа такого объема. В чем-то действительно — прямо и очевидно, порой на грани с публицистичностью, без лишних украшательств, вычурности и иносказаний. И здесь, конечно, не хочется цитировать футболиста Аршавина: «Ваши ожидания — это ваши проблемы», — просто даже в литературе бывают случаи, когда лучше сказать прямо. Особенно если дело касается актуального романа.